

НАД ЕСЕНИНСКОЙ

ли над ручьем, склоняясь ли над ромашкой, Есенин многоизначен, масштабен, но многозначность и масштабность его слова усиlena неповторимостью личного. Он достоверен собственным горем:

По судором она бежала,
Последняя за ним бежать...

Пора нам заметить и пораженно соединить «разрыв» по времени:

Тонкой прощальной кровью отмежевала
На снегу дремущее лицо.

Ну?.. Есенинцы, не лицо ли матери, а? Не лицо ли России?

Сергей Есенин не был ни пьяницей, ни хулиганом, ни распущенном женоедом. Уж чего он искал, к чему неостановимо стремился, так это — к уюту, к светлой семье, раненный с детства личной драмой матери.

Мать Есенина — слезы России. Действительно — дочь России: ее глуши, унижали, «рабынивали», но — не смогли. Ну разве она — не русская мать? Разве она — не Россия? Через есенинский род Батухан проехал в шатровой кибитке, Ягода прощурял тайны «досы». Ежов и Берия про скребли инквизиторскими перьями.

ЧТО С НАМИ СДЕЛАЛИ? Пушкин поднимал бокал за братство и песнь племен. Лермонтов славил гордый Кавказ. Стан Невиновская была слышана на всю Россию. Есенин взял в наше желание и надежду на очарование грядущим.

Но мы оказались в слезах и крови новой гражданской войны. Гибли русские, армяне, осетины, азербайджанцы, Украина и Россию толкали в бойню. А Горбачев едет по Москве. Автомобиль тупорылый. Охрана за них. Еще автомобиль тупорылый. Вихрь. То — холи пыль завишаются...

Едет Горбачев, а мимо окна — длинные очередь. Женщины, жертвы его бессовестной перестройки, молоко и хлеб добывают для детей, внуков и стариков. Продавщицы эльзы. Очередь злая. Надвигается на прилавок, а ни молока, ни хлеба нет. Будет ли?

Куда же едет в бронированном тупорылом автомобиле бывший президент Горбачев? Не сидится. Разорил, бросил великую страну и едет? И суда над ним не предвидится? Залазит в телекентр и с экрана советует, печется: «Я русский, я за Россию борюсь».

Боже мой, боже мой, как обессовестить и обезуметь можно? Предать народ — и ульбаться? По расплате России едет. Очередь, замечая тупорылый автомобиль, вздрагивает и поворачивается:

— Лучший немец поехал, фриц!

— Немцы благодарят, а русские проклинают!..

— Он нас не знает, русских, чужой!..

Сколько перестрадал и перестрадает русский народ из-за темного светлого лидера, совершившего глобальное предательство, космического масштаба измены?

Поэт Сергей Есенин жизнь скжег на любви к России, а этот за предательство России в черном бульдозером автомобилем. Мимо грязных пустых магазинов, мимо грязных голодных столовых, мимо русских несчастных очередей. Черт едет, дьявол.

Есенин предугадывал течение событий, платя за муки и сомнения стоном души и слова. К 1925 году поэзия сформировалась окончательно: прозрел и опирался в разумении на опыт народа и опыт истины.

Безраздействие предвидение отговаряло его, а разоренность стимулировала макароном. Галина Бениславская, разоревшая поборы, со связью между Седовым, сыном Троцкого, и собою, сравнивая и перебирая в памяти мелькнувших партнеров, убедилась: никому из них не одолжено Господом золотого теплого сердца, отзывающееся трепетным звоном на человеческий вздох, никому, никому, только — Есенину. Это сердце — не обмануть. От этого сердца — не уйти..

«Я опять больна. И, кажется, опять всерьез и надолго. Неужели возвращаются такие вещи. Казалось, крепко держу себя в руках, забаррикадировалась, и ничего не помогло. И теперь хуже. Тогда я была молодежь, верила в счастье любви, а сейчас я знаю, что «невеселого счастья» залог сумасшедшее сердце поэта». И все же никаку мне не деться от этого. Опять тоска по нем, опять к каждой мысли прибавляется это неотважное ощущение его. Опять все скучны».

Вот что выстrelilo у могилы, а не пистолетик...

От Сергея Есенина Галия ушла, а от молитвы его и покаяния его — нет. А Есенин весь — молитва, весь — покаяние!

***

Ну, вы, есенинцы родные мои, разве трудно угадать, чему и кому жалуется поэт, о чём и о ком, а?

Я вижу — в прозиничном плате,

На легокротких облаках,

Идет волнистенная мати

С пречистым сыном на руках.

Она несет для мира слова

Распять воскресшего Христа:

«Ходи, мой сын, жижи без крова,

Зори и полной у куста».

Личное, от детства и до предсмертного часа, перевоплощается в поэте в твое и мое, в наше, человеческое, счастливое или несчастливое, но перевоплощается и утверждается: дар поэта раскрывает увиденное и перехоже, приобщенное к своему народу, как весна природа — цветы показывают нам, печальные они или веселые, — смотрят и проникаются...

Не надо настужно втаскивать в творческую биографию Есенина детали и приметы его живой биографии, но и не замечать такое — слепота:

Сердце неласково к шуму,

Мышь скребут в уголье,

Думает друстиной думу

О белоногом телке.

Да, «был ее выгонщик грубый на перегонных полях» — но совсем это ведь не о корове:

Не дали матери сына,

Первая радость не впрок.

Метко, как пулей, точкой узаконено: даже знаки препинания считаны на главную мысль — выделить и обособить то, что поэт дает нам в подтексте.. Касаясь ли больших событий, опускаясь

ДУНКАН ТАНЦУЕТ

Поэт создал из страданий своих, из «фамильных» трагедий и утрат образ любимой и создал он «лицо» матери, Магдалины лицо, и сильным сыновним светом сердца опахнул его:

В дунном кружеве украдкой

Любви призраки долина.

На боянинце за лампадкой

Ульюнилась Маддалина.

Кто-то дергай, пепельный

Позавидовал ульбке.

Венчали бельми вечеи черный,

И луна — как в белой юбке.

«Вспучил бельма...» А не они ли, пятившиеся на «бобу» Сергея Радонежского, от Петра Первого скользят. Дункан танцует. Птицей скользят. А Черный человек по небоскребам идет, по небоскребам идет: Я мужа ее убил!.. Я мужа ее убил!

Дремлет Есенин, дремлет. А над его могилкой Галия сидит. Сухую глину перебирает. А Черный человек опять веет: — Я мужа ее убил!.. Я мужа ее убил!

Раскосый, Черный. В полосатой кофте или в тельняшке. Черный человек идет. Черный человек идет. С Ордынки идет. С Шаболовки идет. С Таганки идет. С Мясницкой идет.

***

Дремлет Есенин, дремлет. И видит — мать его поднимается, седые змы, светые смерти: — Деть твоих разорили! Сестер твоих разорили! Дом наш разорили! Зачем, сынок, я тебя родила?..

Мать стоит. Сестры стоят. А Черный человек распластывает Есенина и — каблуками, и — каблуками!

Дремлет Есенин, дремлет. Тишина холодная в «Англете».

А Черный человек истигает, истагает, идет. И вот он — почти карлик, верткий и беспощадный.

А Дункан танцует. Дункан танцует. Птицей скользят. И — тишина. Холода тишина. Луна глядит в окно гостиницы. Христос ли задумался на блоке? Лиши сеербийский иней в саду, как пристуженые морозцем слезы, горит и сверкает, горит и сверкает.

Проговорился Есенин, — мол, правит Россией Лейба.

Бухарин упрено издавал над мертвым позтом: то у него Есенин — мухи ковызывают, то — юродствующий, то — хмельно целиующий Бога, то — материща в Бога, то — угрюзивающим головой, неторопящимся ухарем и недотепой...

И это — член Политбюро, главный редактор газеты «Известия», коммунист, «закаленный в горниле борьбы» с самодержавием. Откуда у него ненависть кремлевского циника, бытового хояя, бабьего самца, подержанного энатока юных девичьих достоинств?.. Не пощадил жену, «быстро устаревшую» для «выдающегося деятеля», взял, как выхвачил, ее сестранку, малолетку-пышку, а тоже мудрую — члена Политбюро примахнулся.

Сильно нравственный, Бухарин ерничал: дескать не прикончили, а только власты кое-каких подрастворили царей, царин, царевен, царевичей и разных там светских барышень, немножко погорячили. Кого — в висок, кого — в сосок, кого — в сердце, но укоючили. Государь — упала, Государыня — упала. Дочери — мертвы. Сынишка, наследник — боркался. А Сергея Есенин, поджалеет, сочувствует? Руки «мокрал» у царинцы...

Следы крови — на полу. Следы крови — на брюках. Следы крови — на руашке. А пиджак?

Шкаф отодвинут от стены. В стену — ход? Ход — двери? Закрыты, но — отворились?.. Девочка, гимназистка, в тот вечер — обнаружена ее «дневник» — загляделась, на цапочках, издали, в есенинское окно. Свет погас, но содурочно вспыхнул. Тени начали метаться, крүкаться, за шторы, и кататься... Много додаков. Много людей, включенных в танцы глибии поэта.

Но танцы нет. Сергей Есенин убит еще до гибели. Убит подлецами, ненавидящими его русский облик, его неповторимый русский голос. Они и сейчас мстят... Есенину мстят. Народу нет. Давно ли Есенина судили, обвиняли его в

антисемитизме? Требовали уничтожения. Долгий суд — изувечество. Бездолгостный суд — больница. В больнице Есенин решает бежать из Москвы, бежать от преследований.

Юрий Ильин подчеркивал: прощаясь с друзьями, сестрой Шурой и Татьяной Толстой, поэт не торопился успокиваться, интуитивно чувствовал неотвратимое. Он ведь — «националист, монахист, черносотенец!..» Как знакома картина, «доска почета», пестрящая ветхозаветными ярлыками. Суд над русским — за русский дар его, за русское прошлое.

Верный «родине гостеприимен», застарелый и обретенный, как аравийский гриф, жаждущий жертв, Лазарь Моисеевич Каганович в «Аргументах и фактах» (№ 42, 1990), хрестит: «Были времена поуже, но меня волнует сейчас идеологическая сторона и то, что происходит у нас. Куда завернет это «воздрождение» России? Позавчера один старичок говорил по телевизору: «У нас сейчас начинается возрождение русской культуры». Что за чушь такая! Мелет! И разрешают ему по телевизору болтать «Возрождение русской культуры»!

Палац в этот момент взвинчен, сомневается — а вдруг воротится Россия?.. Слова «большой шовинизм», «национализм» глотает со вкусом, как горячие капли крови.

В этом же номере «Аргументов и фактов» реанимированный Лев Троцкий «отпакивает» Есенина.

Он — любит, то сокрушает, то сминает, то

закидывает, то сминает, то сминает, то